

Михаил
Асламов

Белый ветер

Михаил
Асламов

Белый ветер

Стихи

Хабаровское
книжное
издательство
1989

ББК 84Р7

А 90

Рецензент *Л. И. Миалнич*

Художник *А. Н. Медведев*

А $\frac{4702010200-68}{M160(03)-89}$ 35-89

ISBN 5-7663-0159-6

© Хабаровское книжное издательство, 1989

потерянный мальчик

* * *

Хорошо, как отстоится
Тишь в родительском доме,
Не пугая половицы,
Из сеней шагнуть во тьму.

Ах, как в небе полуночном
Густо высыпало звезд!..
Вспомню
 в мире непорочном
Все знакомое до слез,

Что в пути необратимом
Годы выжечь не смогли.
Станет сердцу ощутимей
Притяжение земли.

Будто, слепо ткнувшись в вечность,
Повернуло время вспять...

Можно здесь
любую млечность
По звезде пересчитать.

Эти звезды с неба слижет
Ветра белого поток...
Может, вправду,
к небу ближе
Сердцу милый уголок?..

* * *

Давайте на время забудемся,
Уйдем от забот налегке,
Как будто случайно заблудимся
В пронизанной светом тайге —

В пустой и прозрачной
по-зимнему,
Где все чудеса — до весны.
Давайте побудем разинями,
Которым проспекты тесны!

Гуляй, отрешен и беспечен,
Покуда желание есть!
Покуда
однажды

навстречу
Навзрыд
не ударит оркестр —

И скорбно всплывет над рядами
Мелодия, мир заглуша.

И вздрогнет
на голос рыданий
Пронзенная болью душа.

О, жизнь! Осуди, но — помилуй!
Себе не прощу я вовек:
На миг
отлучился от мира —
И умер уже человек!

ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО

Не в альбоме,
а в хламе бумажном,
Что бывает и нужен однажды
Человеку на бренном пути,
Где так скудно о чем-то,
про что-то,
Я наткнулся на желтое фото —
И внезапно заныло в груди.

Как могло оно здесь сохраниться?
Я забыл эти детские лица.
Я не молод! К тому же — не брит.
Я и не жил
в той выцветшей жизни!
Почему же с такой укоризной
На меня этот мальчик глядит?

Кто он,
в первом ряду нерушимом,
Этот, в галстучке под зажимом,
И к тому ж — неприлично ушаст?

Я же — правды твоей
маячок.
Ты сумел от меня откреститься...
Я пришел к тебе ныне
проститься,
Миг прощания не торопя.
Я пришел к тебе
светом весенним
В пору глупых твоих невезений,
Потому как сильнее тебя!
И не спрашивай, где я таился...»

Мир страдал и несыто роился
На просторах великой страны.
Не заметил я в мраке метельном,
Как упал он,
уставший смертельно,
Зацепившись за кромку войны.

Ни звезды над его изголовьем,
Ни следа.
Белый ветер безмолвья,
За которым себя не слышать,
Все засыпал вокруг безголосо —
Ни ответов тебе, ни вопросов,
То и можно, что праведно лгать.

Мальчик мой!
Не оставь и не выдай
В этой жизни святой и обрыдлой,
Где легко оступиться опять!..
Я сегодня средь школьного гама
Оглянулся, пытаюсь упрямо
Не увидеть,
хотя бы понять:
Где он есть, без угла и прописки?

По пальцу — ножик!..
Половица в крови... Беда!

На море, на океяне,
На острове Буяне
Лежит бел плат.
На том белом платё
Сидят три красные девицы —
Шьют-пошивают
Разными шелками:
Одна — от укуса,
Другая — от пореза,
Третья — от дурного.
Нитка, рвись —
Кровь, заговорись.
На море, на океяне...»

Плавню, медленнo,
 будо мельница
Воду плицами ворошит...
Ой, спасибо вам, красны девицы!
Кровь не капает — плат расшит!

И опять мастерить да ладить
От зари могу до зари...
Где вы бродите, бедолаги?!
Я вам дудочки смастерил!

Заиграете в них — и берег
Вас отпустит за океан,

Где пронзительно голубеет —
Свой для каждого — остров Буян.

Тот,
 ненайденный Магелланами,
Недоступный для каравелл,
Добрый остров,
 открытый мамам
Во спасение сыновей.

* * *

Вспоминаю ту беду...
А беда была такая:
Вдруг сгорела мастерская
У поселка на виду.

Прахом все пошло, золой.
Крыши нет, остались стены.
И поземкой —
 год военный
По-над стылою землей.

Говорил без лишних слов
С нами начполитотдела:
Дескать, «надо
 дело делать»
И еще, что «фронт ведь ждет!»

Хоть и мал, беру в расчет:
Жди, пока накроют кровлю, —
Фронт за это время
 кровью
В ожиданье истечет...

Под рукой станок поет,
Он «поел» и сыто дышит...
Хорошо б, конечно, крышу,
А на бедность — доппаек.

По еде затосковал,
Заезвался — и в науку
«Приварил» к металлу руку —
Пальцы с кровью оторвал.

Мастер — ма-астер пожалеть!
Дал картошину: «Пожуй-ка!»
Греет белый свет
буржуйка,
Да не в силах отогреть.

Эх, беда и есть беда!..
Вот уж лампой вполнекала
Удивленно засияла
Вега —
странная звезда.

Может, где-нибудь в окоп
 К брату старшему заглянет?
 Может быть, на нас
 вегяне
 Смотрят в сильный телескоп?..

И смотрю я на звезду...
В пору выплакать обиды,
Да не вправе
слабость выдать
У Вселенной на виду.

ТАК ОНИ И ЖИЛИ...

Какие мне, бывало, снились сны
Военною зимой перед рассветом!
В них таяли на языке конфеты
И мучило предчувствие весны.

Я в них парил над бездной, невесом,
Когда вдруг, сотрясая мирозданье,
Гудок врывался в мир
без опоздания —
И чашкой об пол разбивался сон...

«Вставай, сынок», — зовет чуть слышно мать.
«Пора, работник!» — слышу бас отцовский.
И в полусне тяну к себе спецовку
И покидаю сладкую кровать.

И, окунаясь в новую беду,
Я правлю фронт на карте из картонки.
Лепешки из мороженой картошки
Сует мне мама в руки на ходу.

Метель метет — ни тропок, ни дорог!
К людской цепочке я бреду сквозь темень...
Обрадуюсь, идя в ряду со всеми,
И успокоюсь, запустив станок.

Мы точим мины — фронтовой заказ.
И про себя я начинаю думать —
Прикидываю, сколько может «сдунуть»
Фашистов мой один такой фугас.

Подсчет меня ужасно веселит!
Насвистываю что-то вдохновенно...

Но — как длинна ты, фронтовая смена!
И гнет она, и плакать не велит.

Но плачу я. В том нет моей вины,
Что щи пусты, а сам я — не двужильный!..
Вот так они, мне помнится,
и жили,
Твои, Россия, малые сыны.

ТЯНИГУС

Лес вывозят.

Дика, обезлесев, земля,
Обреченная на затопление,
И ползут на подъем, надрываясь, пыля,
Тягачи, обрывая сцепление.

А меня снова в память уводит тропа,
Где зарубкою — Слово:
бывало,
С ним, как с камнем на шее,
я в сны утопал
И всплывал, когда солнце всплывало.

Это слово запомнил я памятью ног —
Сколько с матерью мы исходили дорог!
И военных — голодных, плакучих...
Вот бредем — я за нею плетусь, как щенок,
За плечами на лямках —
с картошкой мешок,
Это значит, что жить будем лучше.

Километры дорога идет на подъем.
Мать, меня, бедолагу, жалея:

— Потерпи, — говорит, —
вот тянигус пройдем,
А под горку уже веселее...

А тянигус все тянется вверх, как змея,
Извиваясь, а ноги не держат...
Он во сне еще будет тиранить меня,
Чтобы завтра держался я тверже.

А когда я учился — и вспомнить смешно!
Это слово и слепо, и куце
Вдруг всплывало, немыслимое оно,
Средь
тригонометрических функций.

Скажут — «тангенс» — и сразу «тягигус»
всплывет,
Словно боль сквозь ученую книгу...
Может быть, математика
примет в расчет
Эту функцию жизни — тянигус?

БЫВАЛЬЩИНА С МОРАЛЬЮ

Помню время — время злое,
Что бедою, как метлою,
По земле родной мело.
Вести горькие из пепла...
И однажды как-то лектор
К нам наведалься в село.
И сходилась люд с охотой:
Может, новенькое что-то
Скажет умный человек.

И одно отметить надо:
Не по времени был гладок
Этот лектор имярек.
Вроде бы
 обыкновенный,
Но какой-то довоенный,
Сел — как пчелка на цветок.
Говорил как надо, дельно:
Дескать, снова враг
 смертельный
Рвется дальше на восток.
Говорил: — Не пустим гада!
Перед ним сейчас преградой
Встали все,
 к плечу плечо...
Нам же виделось: о бедах
Сам-то он
 ни в жизнь не ведал,
Никогда и нипочем!
И сказала тетя Настя
(По войне далось ей счастье,
А была — такая стать!..):
— Посылали б лучше тощих!
С тощим все ж таки попроще
О беде потолковать...
Тут и смех и крик раздался:
— Ты-то где изголодался!..
Оказали, значит, честь.
И скажу вам без утайки:
Не за тем строчил я байку,
Чтобы толстого уесть.
И для жизни,
 и для лекций
Хороши любых комплекций
Люди, лекторы,
 друзья.

Лишь замечу для порядка:
Быть
при всех моментах
гладким —
Неприлично и нельзя.

* * *

К речам высоким в наши дни народ
Стал осторожен.

Он ли в том повинен?
Скорее дело в том, что и поныне
Их, краснобаев-то, непроворот.

Глядишь: вития — ну и голова! —
Бьет в грудь себя,
как будто душу будит.
А там давно уж не душа, а бубен —
Бренчат вовсю высокие слова!

А что народ?
— Давай, давай, бреши!..
Такая получается петрушка.
Знать, заменить не может
погремушка
Естественного голоса души.

ДОМОВОЙ

Тем город меня не обидел,
Что мне для пристанища сдал
Совсем не отель,
но обитель —
Как славно я в ней обитал!

Был старенький дом двухэтажный
Хорош не набором утех —
Простою заботой

о каждом,
Не так, чтобы скопом — о всех.

И все получалось культурно,
И все постояльцы — свои...
Мы с теткой приятной,
с дежурной,
За полночь гоняли чай.

И тихо вели мы беседы,
Так, словно бы нянча покой,
О разных нечаянных бедах
И просто — о жизни людской.

А после, когда я склонялся
Под лампою в стиле «ампир»,
До странности как-то сгущался
В пространстве и времени мир.
И вот — равновесие сразу
Разбилось, как будто стекло!
И прошлое,
как по приказу,
Свои голоса обрело.

И сразу же разноголосо
Откликнулись бревна в стене:
Смешались ответы, вопросы
И выкрики, как на войне!

И стук — не ко мне ли стучатся?
Во мне ли им надобность там?
Я так и скажу:

не причастен
Ко всем вашим прошлым делам!

И думалось мне боязливо
(Такое случись наяву!):
Какой я, однако, счастливый,
Хотя б потому, что живу.

И с мыслью такою позорной
Тревожно ко сну отходил...
Я этой историей вздорной
Дежурную разобрал.

Она причитала: — Как можно?
Качала, смутясь, головой,
В глаза мне глядела тревожно:
— А может быть, то — домовой?..

Добавив совсем бестолково:
— Опять вот накликает бед!..
— А видел ли кто домового?
— Кто видел, того уже нет...

Тот город не балует пресса,
А сколько воды утекло!..
Быть может, нажимом прогресса
Тот домик давно уж снесло.

И где домовой обитает,
Уж если не помер еще,
Который один лишь и знает
О прошлом доподлинно все?

Кто в ступе и правду, и небыль
Для смуты так славно месил...
Того, кто в том городе не был,
Я съездить бы очень просил.

А в доме гостином — направо,
Как помню в сумятице лет,

Спросите дежурную Клаву
И ей передайте привет...

* * *

Он ранен был в трудных боях
За город Великие Луки,
А после в родные края
Вернулся уже одноруким.

И вот умывается он —
И машет,
 и машет култышкой.
Не веря, что это не сон,
За ним наблюдает мальчишка.

Сказал он:
 — Раненько ж ты встал!
На дню-то, поди, умотались...
— Ах, папа! Ты так воевал!..
Чего ж тебе орден не дали?..

И горестно стало ему
В сочувствии детской печали,
И вспомнилось поле в дыму...
— Ну, как же! Ну, как же!
 Вручали...

И вспомнил о бывшей руке,
Которой так недоставало...
— Его я держал в кулаке,
А руку-то, вишь, оторвало...

И мальчик взглянул веселей,
И тут же сконфузился очень.
— Ты, папа, о нем не жалея.
— А я не жалею, сыночек...

БЕССОННИЦА ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Здесь, под горушкой Стародубкой,
Что в кровь истерзана порубкой,
Моя избушка — словно дзот...
И — ночь. И тишь.

А мне не спится.

Да мыш-полепка половицу
С остервенением грызет.

И душно.
На ночь в поздний вечер
Не возжигало небо свечи
И никли мертвенно кусты...
Неужто это от погоды
Так мучит чувство несвободы
Меня и ночь — до немоты?

Мне объяснили: это возраст.
На многоточье сходит возглас,
И жизни всей — глоток до дна...
(А эта мыш — как заводная!
Она, наверно, молодая,
И мстительна, и голодна...)

Вот эти мыши привязались!..
А может, душу гложет зависть

До ломоты в твоей башке
К ним, к ним — летающим,
парящим,
Почти по-птичьи говорящим
На скорости, на сквозняке,
С электролирой на руке?
(А что сейчас на «Маяке»?..)

Как рвутся к правде!
Бога ради!
Я знал ее при всем параде,
Да очи выела вина.
Она, забита,
но двужильна,
Там,
в лагерях со спецрежимом,
Оплакивала меня...
(А не возжечь ли мне огня?..)

И вот живу и глаз не прячу...
 Какое время!
 Даже зрячим
 Нам полагался поводырь:
 Он знает все, он все запишет...
 (А половицу за ночь мыши,
 Наверно, изгрызут до дыр!..)

Вот так. И все.
И успокойся.
А поутру водой умойся
Колодезной — и вся беда.
Но — это злое чувство
долга!

Как ощущение осколка —
И не вздохнуть.
И — немота...
(Я все же заведу кота.)

* * *

Так всегда и бывает.
Но все же...
Скоро листья в лесу опадут.
Неспроста ведь гусиною кожей
Этим утром подернулся пруд.

Научи меня, лес опаленный:
Почему же, склоняя главу,
Не завидует
вечнозеленым
Березняк, растерявший листву?

Может быть, отвергающий зависть,
Он хотел бы уверить теперь
В том,
что право на светлую завязь
Невозможно без горьких потерь?

Он потери в апреле оплачет
Сладким соком на белой щеке...
Вон бежит по-над берегом мальчик,
Тонкий прутик зажав в кулачке.

И трепещет в слепом озаренье
Желтый листик на встречном ветру...
Вопросительный знак
в оперенье —
Серый гусь на озябшем пруду.

В МОСКВУ, НА УЧЕБУ...

Свет забытья
 без мерцания
Сизо-фиалочный
Мир обезличит —
 и снова возникнет,
Рисков,
Профиль расплывчатый
 девочки —
Провинциалочки —
И замирающий цокот ее каблучков.
Как, уходя, она врезалась,
Бойко угластая,
В уличный мощный поток,
Головенкой вертя!
И приняла ее улица
 так понимающе ласково,
Осознавая, что все-таки
Это — дитя...
Радость и боль — наши дети,
 желанные,
Поздние!
Чутки на оклик
И глухи покуда на зов.
Как они бредят и рвутся
Дорогой непознанной
Прямо по праху иллюзий
Усталых отцов!..
— «Не торопись уходить!..»
И — теряю, теряю...
И наплывает на сердце
Глухая вина.
Нынче тебе ее —
 слышишь, столица?! —

Вверяю,
Так сохрани ее —
Как ей защита нужна!
Как же смешна она
В спешной своей деловитости,
Словно почуяв:
Отцовский ослаб поводок...
Так накорми ее
варевом знаний
до сытости,
Чтоб не тянуло ее
На похлебку изжеванных догм!
И утоли, не жалея,
Ее неумную жажду,
К вечным источникам
дверь укажи —
И поверь...
Вот и она затерялась
Среди твоих граждан,
Хоть и приемная,
А Ломоносова дщерь.
«Не оглянулась!..» —
И сердце кольнула обида.
Я по злопамятству
все запишу
На песке,
Ни на мгновение
Не выпуская из вида
Синюю жилочку
На незащитном виске...

ПРЕДЗИМЪЕ

Так долго и нудно
Всю осень дожди полоскали,

Что верится трудно
Нежданно открывшейся дали.

Как воды покойны,
Что даже не чувствуешь мощи.
Дорогой окольной
Прошел катерок-перевозчик.

Из хаоса смуты
Предзимние выплыли льдины...
В такие минуты
Мы, видно, с природой едины.

А мир необыден,
В нем что-то знакомо и ново.
И кажется — выйдет
На пляж опустелый корова.

И воду со свистом
Потянет под мерные вздохи...
Опавшие листья —
Следы отступившей эпохи.

Такое затишье,
Глубокое до онеменья, —
Как будто стоишь ты,
На стыке стоишь поколений.

И люди все смуты
Часы меж собою сверяют...
Такие минуты
С утратами сердце смиряют,

Когда невозможно
Помыслить о злобе и мести.
Но можно
 неложно
Подумать о долге и чести...

Из «Чукотского дневника»

ЧУДАК

Явившись вдруг,
Как вынырнув из тьмы,
Он мне с порога заявил:
— Мир — чуден!..
А вынырнул-то
Из крошечных буден,
Из суматохи, спешки, кутерьмы.

И сгинул вновь —
Едва набрался сил,
Чтоб истиной порадовать:
— Мир — красен!..
Как будто был
Не на колымской трассе,
А где-то по курортам колесил.

Чудак —
Он вечно так вот.
Он таков,
Что дают коммунальные услуги
Его, как лошадь дикую —
Подпруги...
Неужто нет оков
Для чудаков?

А видно, стало не в чести —
Брести
Обочиной.
И каждый озабочен
Не тем,

Что вот забор, мол, скособочен,
А как бы все заборы
Поснести!

В ТО ЛЕТО...

В то лето, такое дождливое,
Что я на глазах раскисал,
Какие же письма счастливые
Мне с Севера друг писал!

Как будто приветы от ангела,
Голубенькие насквозь.
А жил он на острове Врангеля,
Где быть мне
не довелось.

Там тундра мягка, как бархотка,
Там правит судьбой азарт,
И вместо людской барахолки —
Роскошный птичий базар.

Устав от трудов
и памяти,
У кромки, где спят моржи,
Дрыхни,
на бивень мамонта
Голову положив.
И снова — и льды, и тундра,
Прекрасная без прикрас...
Ах, как ему, видно,
трудно
Жить было среди нас!

А в общем-то было всякое,
Знать, выздоровел мой друг.

Но только
 письма иссякли
Как-то внезапно, вдруг.

И жизнь показалась пресной,
И сковывал сердце страх...
Я после узнал из прессы,
Что друг мой
 погиб во льдах.

Как это звучало нелепо!
Затерло каким-то льдом
Его, кто и жестко, и слепо
Ломан был
 в тридцать седьмом?!

Где-то над льдами паковыми
Чайка его кружит...
А я его
 не оплакиваю,
Он был золотой мужик.

Тоскуя оленем по ягелю,
Я тоже вот, может стать,
Уеду
 на остров Врангеля,
Буду моржей считать...

* * *

Анатолию Пчелкину

Высоковольтным током — провода,
Прохватит строчка
 в стареньком блокноте!..

Не трожьте старых записей — строка
Развеселит, а болью отзовется.
Как странник, к ней пришел издалека —
Как жалок я
 над высохшим колодезцем!

Но адрес вот... А там — Аэрофлот...
И мысль оборвалась на горькой ноте:
И встретишься — и вдруг поймешь,
что тот,
Кто друг тебе, все там,
в Эгвекиноте...

* * *

Как-то под осень
Траншею я рыл с мужиками
(Много уж лет
С той далекой поры разменял...)
Всем существом своим
слабым,
Руками, ногами
В грубую твердь я
Тупое железо вгонял.

Что мужику?
Он и голову в дело включает,
Да и по прочим параметрам
Мне не ровня.
Все же кайлил я,
Все более ожесточаясь,
Но и земля
Не жалела, конечно, меня.

Вдруг подошел бригадир,
Надо мной наклонился,
И головой покачал,
И, простудно сипя,
Странно сказал: «Молодец!
(Словно в чем усомнился)
Поберегись,
Чтоб на завтра хватило тебя...»

Вот о чем вспомнил
В дыму полуночного часа!
И удивился,
Тревожные мысли гоня.
Что-то все чаще мне
Думаться стало боязно:
Хватит на завтра —
 хотя бы на завтра! —
Меня?

Нету на это ответа
В задачнике жизни,
Это мне разум диктует:
Себя пожалей!..
Ночь прогорела под лампой.
С какой укоризной
Смотрит в глаза мне
Проснувшийся воробей!

* * *

Я пиво пью.
И он садится рядом,
Он ставит кружку пенную:
— Порядок!

Какая сумасшедшая жара!..
А я молчу.
Я думаю: неужто
Еще вчера я жил с ним
Душа в душу
И другом называл его вчера?
Не оценил
В той дружбе без опаски
И вечно убегающие глазки,
И суетливость
Неспокойных рук...
Не предал он,
За мелочь не продался.
Он только заступиться
Отказался,
Когда нелепо обвинялся друг
И честь другого ставилась на карту.
Он явно уклонялся от дебатов
И говорил невнятно и темно...
Он с жадностью
На пиво налегает,
Я кружку, не допив, отодвигаю
И говорю презрительно:
— Дерьмо!
И тотчас он:
— Да, да, пивцо дрянное...
Да, жизнь как жизнь,
Не пиво разливное.
Каков ты есть —
Такая и дана.
Давай же к дому
Топай понемножку.
Вот душу бы сейчас —
На все застежки,
Да у тебя
Без пуговиц она...

Мы как навалимся —
Попробуй,
Пойди отбейся —
Черта с два!
Тут эрудиция —
Как обух,
И как пощечины —
Слова.

Бьем в щит врага:
— Держись, неверный!
Нас — свора:
— Бей его, чтоб — с ног!..
Не видим:
А ведь щит — фанерный,
А сам «неверный» —
Одинок.

Мы после будем виновато
Чесать затылки:
Как же — вдруг?..
Когда в обломки —
Щит и латы.
Когда протянет ноги
Друг.

СТАРИКИ

Не могу на сблищах-собраниях,
Там, где с правды соскребают ложь,
Видеть стариков
без сострадания,
Словно их призвали на правед.

Вот сидит он — руки на колени,
Желтые, в узлах тяжелых вен,
Белый весь,
 словно обрызган пеной
Мощного потока перемен.

Головою вертит — и под кожей,
Как валун, катается кадык...
Кем он был?

 Он просто был моложе
И к собраниям, видно, не привык.

Все в страде — то в ратной,
 то в покосной —
Делал все, с руки иль не с руки.
Землю обихаживал он,
 козням
Внутренним и внешним вопреки.

Внове все ему
 и так знакомо!
Этот вечный шабаш среди бед.
Ишь как пляшут на былых иконах
Штатные застрельщики побед!

Он таких и видывал, и знает:
Вот едва ли прозвучал приказ,
Поглядишь — а тот уже
 стреляет,
Выжигает «боевой запас»...

Он сидит, нахохлившись,
 как в клетке
(Словно бы за то и упекли,
Что его героем пятилетки

Сталинской
однажды нарекли).

Что же ему делать?
Объясните!
Ведь за прошлым света не видать!
Может, крикнуть:
— Милые, простите?!
Или жизнь анафеме предать?..

Обожжет вдруг болью
исподбровья
Встречная — вина или беда...
Все, что мы
отхаркиваем с кровью,
Называлось верой и любовью —
И не отмахнуться никогда.

ТЕТЯ ПОЛЯ

— Теперь, — предшественник сказал, —
И володей, и властвуй!
И с этим на руки он сдал
Мне сборочный участок.

— Участок, брат, передовой... —
Добавил с тихой болью. —
А без меня тут за тобой
Присмотрит
тетя Поля.

И комплектовщице шутя:
— Бери же под начало!..
— Ну, впрямь, как малое дитя! —
Та глухо проворчала.

И все ему глядела вслед
По-матерински строго:
— Ишь, видно,
на покойный хлеб
Нашел себе дорогу...

Не понял я ее намек,
А стало так неловко...
А жизнь пошла —
сплошной урок
С переэкзаменовкой!
Мы — мастера: вот был — и нет,
Я ж — без году неделя...
А тетя Поля двадцать лет
Здесь, при рабочем деле.

В такой брала их оборот!..
И я почуял скоро,
Что нахожусь особо
под
Негласным, но надзором.

Вот раскричишься — молодой! —
На слесарей: — Доколе!..
А обернешься — за спиной
В сторонке тетя Поля.

Ей дела нет, что говорят!
Но, как всегда, нехстати!
Вдруг на ее наткнешься
взгляд —
Ну, как водой окатит!

А то — гудок, и ты — в пальто
И прощевай, заботы!..
А тут вдогон: — Ему-то что?
Оклад, вишь, отработал...

И так не проходило дня,
Тут лезешь вон из кожи!..
И я вспылil:

— А до меня,
Тот — значит, был хороший?..

— А что? Зазря не упрекну.
А ты-то что надулся?..
И вдруг добавила, вздохнув:
— Теперь, поди, свихнулся...

Ах, тетя Поля!
Плач и смех!
Как расставались грустно!
Когда и я ушел «наверх»,
Под новую нагрузку...

С тех пор,
былой растратив пыл
На длинном перегоне,
Друзей былых перезабыл,
А тетю Полю помню.

Она ушла за окоем,
Лишь пирамидка стынет,
А все с оглядкой на нее
Живу я и поныне...

ИСПЫТАНИЕ

Была новогодняя ночь,
Веселье уже на разгоне.
К застолью и мы бы не прочь,
А мы еще на полигоне.

А мы, не жалея затрат,
Себя не жалеючи, бедных,
Сегодня сдаем аппарат —
Железный, полезный —
торпедный.

Уже военпред заскучал:
Мол, сдашь после Нового года.
Нам — в этом!

У нас на плечах
Тяжелая просьба завода...

Торпеда ушла из ствола,
В бревенчатой плюхнулась клетке.
Опять

долететь
не смогла
Она до контрольной отметки!

И снова мы в гулкой трубе
Дорожки латунные драим.
И снова готовы к стрельбе,
Что выстрел последний — мы знаем.

Уж сколько зарядов сожгли!
Я встал у отметки несчастной.
Я крикнул с отмашкою: — Пли!
Уже ко всему безучастный.

И разом ушло в полумрак
Слепое, тяжелое тело.
И рядышком плюхнулось — шмяк!
Подумать успел: — Долетела!..

Опилки волною гоня,
Торпеда, как будто обмылок,

Скользнула — и тут же меня
Впечатала в мякоть опилок.

Хо-о-роший у нас полигон,
Еще бы опилок прибавить.
Всю жизнь то и дело —
бегом!

Покуда тебя не придавит.

Лежу — надо мною луна
Все катится к новому году,
Бессильный,
 как будто страна
Под грузом военных расходов.

Привыкли: уж если своя,
То значит — бояться не надо!..
Не больно. Сбежалась моя,
Прекрасная наша бригада.

Затылок немножко заныл,
Но это уж — без интереса...
Директору я позвонил:
Мол, справились.
Празднуйте честно.

* * *

Быть может, не стали
Грубей
покорители стали?..
Все так же добреют,
Когда небеса голубеют,

И спорят негромко,
Ведя за ручонку
ребенка...

Но стал год от года
Острей
 спор о некоем примате:
— Скажите, природа —
Служанка она
 или мать?

— Что? Мать?!
 Куда там!
Когда расщепляется атом,
И бьются с тайгой
Ударники с бензопилою!

Природа смирилась,
Сломилась,
 сдается на милость:
Как жалостно в осень
Рыдает болящая просишь;
Как мечутся ветви
Деревьев,
 обиженных ветром.
Как трепетно ранит
Сердца
 предвесеннюю ранью,
Когда, как и прежде,
Она обретает надежду
Вернуть и упрочить
Свое первородство
 на свете...

И рвутся из почек
Ее неразумные дети!

ДВА МАСТЕРА

Блестят на груди залива
Бусы стеклянных шариков,
Под ними — тяжелый невод,
Хоть шарик тот с виду мал.
Гляжу я на них и думаю
Совсем не о рыбе жареной,
Я думаю

о стеклодуве,
Кто шарики выдувал.

В его ремесле, невежда,
Я очень все упрощаю,
И, если ждете открытий —
Прошу, не волнуйтесь зря.
Я

производство шарика
В принципе не отличаю,
Ну, скажем,
от производства
Мыльного пузыря.

Я так представляю:

где-то
Громадится печью доменной
Что-то, подобное мыльнице,
И мастер, сутуловат,
Во рту зажимает нечто,
Похожее на соломинку,
И вот уже начинает
Шарики выдувать.

Стекло пузырится радужно,
И мастер доволен делом!

Конечно,
 берет усталость,
И лоб у него в поту.
Но это
 не принципиально:
Я знал одного — потел он
На этих самых,
 на мыльных,
Не меньше, чем стеклодув!

Он тоже работал истово,
И тоже испытывал счастье,
И выдавал посменно
Продукцию — хоть куда!
Теперь посудите сами:
Ну разве виновен мастер,
Если на мыльной пене
Не держатся невода?..

* * *

Океан-забулдыга бузил,
Закипая злобливо и бражно.
В ночь
 понес он валы через баржу,
И захлопал надрывно буксир.

Ной библейский
 в дождевике,
Баржевой принял вахту. А в кубрике
Я мотаюсь —
 по противню бубликом —
На широком своем рундуке.

Крик неистовый поднял меня!
Я наверх — под огнем из окопа —
Вырываюсь в стихию потопа,
Вижу: прыгает точка огня.

Огонек на носу — баржевой...
Вдруг доходит: буксир перетерло!..
Не кричу — перехвачено горло,
Накрывает волна с головой.

И впервые тогда, на краю
Жизни розовой, в лапах бесчинства
Первобытное чувство

песчинки

Оцарапало душу мою...

Машем, машем мы в ночь фонарем,
Но все дальше от нас катеришко —
И старик во всю мочь матерится,
Поминая святых недобром...

С той поры, не кляня, не виня,
Флот оставил я

несамоходный,

И, как будто бы

к жизни свободной,

Потянуло к машине меня.

* * *

Удар сокрытого титана
Вдруг потрясет земную твердь —
В душе дремучей океана
К неистовству проснется зверь.

И вот, косматый, с маху рухнет
На берег в ярости своей —
И не спасет глухая бухта
Судов, доверившихся ей.

И по реке пройдет жестоко
Его напорная волна.
И станет с устья до истока
Вода речная солона...

ЗИМНИК

Черные баржи в замерзшем затоне, Словно изюминки

в белом батоне,

И — ни души...

Словно бы Время само на отстое —
Лошадь,

позвякивающая уздою,

Снегом похрустывающая

В ТИШИ...

Встала река.

Наработалась сладко.

Средь суеты и земных беспорядков
Вот ухитрилась

замкнуться в себя.

Хватит забот ей и без теплоходов!

Надо творить, что велела Природа,
Время текущее не торопя.

**В этих заботах, Природе на прибыль,
Выкормить,**

ВЫХОДИТЬ

выводок рыбий —

То-то под панцирем вольно малькам!
Надо творить, что Природа велела, —
Мало ли сколько назначено дела
Рекам, земле, работающим рукам!

День начинается тихо и снежно,
Сомкнуты право- и левобережье,
Дремлет в затоне натруженный флот.
Пусть ему сны предвесенние

снятся!

Будет всю зиму перекликаться

Зимник

с подледным движением вод...

НАСТРОЕНИЕ

Как бы эпоха была ни строга —
Видишь — растаяли все же снега,
И неспроста

в мочке неба ночного

Лунного камня сверкает серьга.

Благослови воскрешенье души!
В эту эпоху сплошной перестройки
Только цветы

удивительно стойки —

Как они свежи и как хороши!

Март разгоняет тебя: не робей!
Что нам, дотошным, небесная кара!
Мчатся дворняги —

прелестная пара:

Полудворянка и полуплебей.

Время любить, улыбаться и петь!
Так посоветуйся — хоть с одиночеством:
Что тебе хочется,
чтобы упрочиться,
Что тебе надобно,
чтобы взлететь?..

* * *

Дочери Юлии

Не какие-то яства,
До которых ребенок охоч,
— Ты привез бы мне
царство! —
Просила проказница-дочь.

Чтобы, значит, с короной,
Драгоценности чтобы сполна...
Ей бы царство
с коровой —
Такая худая она...

В городке незнакомом
Обошел магазины не раз,
На вопрос свой законный
Везде получаю отказ.

— Ишь чего захотели! —
Продавщицы насмешливый тон. —
Ни в одной
промартели
Не делают нынче корон.

Всего возможных расцветок
Карусель самоходных авто...
Предлагают ракеты!
Да только все это — не то.

Так красиво и точно
Современный скопирован быт.
Ну, а малая дочка
Королевою
хочет побыть!

Говорят, что эпоха
Отменила дома-терема.
А выходит, что — плохо,
Если в золушках сказка сама.

Мне за дочку обидно,
Я, наверно, на что-то решусь.
Может, с помощью МИДа,
С королевой заморской спишусь.

Дескать, Ваше Величество,
Вам не скучно там, в райских краях?
Есть работа приличная —
Производство корон на паях.

Мы б вас так загрузили!
(Консультантом хотите в местпром?)
Чтоб во всех магазинах
Для девчонок —
с запасом корон!

И от славы порочной,
Где обман и кровавая месть,
Пролетарская дочка
Защитит
 королевскую честь!

МЕНЬШИЙ БРАТ

Настояла все же дочка
А душа у нас мягка:
За наличные, в рассрочку
Приобрел я в дом щенка.

Вот придешь домой с работы —
Так и вьется, то-то рад!
И в душе оттаает что-то...
Вот что значит — меньший брат!

Кособок, родня дворянам,
Им, таким-то, несть числа.
Ты за стол, а он уж рядом,
В ожидании мосла.

Гонит слюнки (ну и глуп же!):
Подождет, мол, ничего...
Но однажды я поглубже
Заглянул в глаза его,

**А в глазах его лучистых
Уголочком тлела злость:
«До чего же, сволочь,
 чисто
Он обглаживает кость!»**

СОБАЧКИ

Утрами, для поддержки аппетита,
Заботливей, чем бабушки внучат,
Хозяйки,
 благодушных, апатичных
Выводят на прогулку собачат.

А те лоснятся с дармовых обедов,
Они мудры
 познанием действа клизм...
Прожить собакой, так и не изведав,
А что такое есть — собачья жизнь?!

Ни голодать,
 ни лазать по помойкам,
Ни вырвать из врага хоть шерсти клок!
И славиться искусством делать стойку
На задних лапках...
 Горестный итог.

* * *

Учителя в различном чине,
То уговором, то грозя,
Меня настойчиво учили:
Вот эдак — можно, так — нельзя.

— Не будь, — учили, — легкомыслен!
Не уставали поучать:
— Опять пошел
 на коромысле
Пустыми ведрами бренчать!..

И я мрачнел, лишался сна я,
На шутки огрызался зло.
И жернова самосознания
Во мне вращались тяжело.

Чему учили — делал честно,
К тому же вроде не дурак,

Но на муке добротной
 тесто
Не поднималось никак!

И тут-то — подсказал ли кто-то
Иль сам дошел? — не в этом суть,
Но повело на анекдоты,
Да на такие — вспомнить жуть!

Я хохотал до безголося,
«Ха-ха!..» — до ломоты в зубах:
Что ни философ — рогоносец,
Что ни герой — то вертопрах!

«Как? Как?» — выпытывал со всхлипом.
Вращайся, мельница, крутись!
И, словно отболевший гриппом,
Стал с хитрецей глядеть на жизнь.

А мне:
 — Ты катишься в болото!..
Махнул:
 — Мне с вами не с руки!..
Коль без закваски анекдота
Не получались пироги.

А если верить слухам вздорным —
И парт-
 хозяйственный актив
Нырнуть считает незазорным...
Ну да, конечно, в детектив.

* * *

Любите простые ремесла!
Рубанок бери не спеша,

Почуяв, что явно примерзла
К невидимой тверди душа.

И коль тебе некуда деться
С твоей мировой тоской,
То значит, пора разогреться,
Трудясь над кривою доской.

Чтоб потом бы вышла хвороба,
По капле, на теплую гладь
Доски,
 что годится для гроба
Несчастьям, отхлынувшим вспять...

Пусть будет тоска тебе — пристань
Для малых, несуетных дел,
Что, в бытность свою оптимистом,
К душе подпускать не хотел.

Быть может, и мысли простые
Придут за простым ремеслом:
Мол, сам я себе опостылел,
Но только — не рано ль на слом?

И может, под говор долотца
Тебе, нарушая запрет,
То самое вдруг
 отзовется,
Чему и названия нет?

И в ночь, засыпая со всхлипом,
В делах непривычных разбит,
Ты вздрогнешь от дальнего скрипа:
Не ось ли земная скрипит?

ХУДОЖНИК И ПРОРАБ

Прораб смотрел пейзаж
индустриальный...

На полотне из хаоса земного
Взмывали дерзко проливные стены
Строения,
Похожего на куб.
Чем будет куб — неважно,
Может, клубом.
Зато художник явно был в ударе:
При всей незавершенности строения
Угадывались

и великолепье,
И грандиозность замысла творца.
И возводивший на своем веку
И города, и мощные плотины,
Прораб, сопя,
 заметно потрясенный,
Стоял перед огромным полотном.
Он все, казалось,
Собирался с духом
Задать вопрос —
И вот уже, решившись,
Спросил он,
С практикой сообразуясь:
— Кто, извините, строит сей объект?
Художник был шокирован вопросом.
Он оглядел невзрачного прораба
И пальчиком по полотну пристукнув,
Ответил со значением:
— Человек!
Прораб, вплотную к полотну приблизив
Стал пристально,
С великим любопытством

Все мы в средствах порой стеснены,
Да и слава не ждет на подушке...
Он спешил.

На него со стены
Удивленно поглядывал Пушкин.

Гладко слово за словом текло,
Но за три сантиметра до точки
Задрожало от гула стекло
И нервически дрогнули строчки.

Что напомнил ему самолет,
Совершавший крутой обмолот
Средь созвездий под гром и сполохи?
Ведь какие же надо слова,
Чтоб не взяли бы их жернова
Равнодушно жестокой эпохи!

И во тьму удалялись спеша
Три огня, словно знаки знаменья,
Словно б это живая душа
Отлетала от стихотворенья...

* * *

Есть час такой,
Что жить на свете тошно:
Что ни строка,
То предыдущей плоше,
И ни мыслишки,
А просто так — смятенье,
Обрывки, хаос.
Бывшее уменье —
Все,
Обретенное за сто потов,

Трещит по швам,
Как старое пальто!
— Ну, как живешь?
— Да так вот. Прозябаем...

А может в этот час
И прозреваем?

ПРОРОК

Был тихим мужичком
С угрюминкой во взоре,
И жил себе тишком
В своей избе на взгорье.
И беден, но не наг,
Копался в огороде,
И неприметно так
Существовал в народе.
И я б о нем забыл,
И вы бы не узнали,
Но — гром однажды был
И молнии сверкали!
И вот — пойми судьбу! —
Из грозного обвала
Как раз в его избу
Вонзило небо жало.
Но вынесли его
И помереть не дали:
Как водится,
всего
Землицей закидали,
Чтоб смертный огонь истек, —
Земля всегда поможет.

И через долгий срок
Он оклемался все же.
Но

что случилось с ним?
Народ тому дивился:
Молчун и нелюдим,
Он вдруг

разговорился!
Он по селу бродил,
Одет почти убого,
Зато же говорил
Таким высоким слогом!
И помню до сих пор,
Как странно:

в слогe чистом
В устах его
Был вздор
Неотделим от смысла.
Он нес какой-то бред,
Но до того же внятно,
Что вроде б

смысла нет,
А все-таки понятно...
Идет-бредет бобыль,
И всем и вся — поклоны...
А как отзывчив был
На горе похоронок!
Он в скорбный тот листок
Посмотрит — и со вздохом
Вдруг брякнет в потолок:
«Ишь! Объявился Прохор!»
Грозил:

«Постой! Постой!..»
Над горем неутешным,
И уходил с едой,
И оставлял надежду.

Как будто тем огнем
Небесным

злая сила
Убила разум в нем,
Но душу
разбудила!
И зван был на порог,
И чтился за пророка:
Пронзил

не зря же Бог
Его небесным током!

* * *

Господи!

Сколько же мы говорим!..
Наговоримся —
и перегорим.
И опадет на округу в тиши
Пепел души...

* * *

Вот книга — банальная драма,
Забытому веку под стать.
А все-таки тянет упрямо
Ее перед сном полистать.

Набор канонических правил:
Злодеи, любовь, талисман...
А словно бы что-то оставил
Средь строчек чужого письма...

ОПЫТ

Нет, я не каюсь,
я не каюсь,
Что жизнь порой негладко шла,
Что шел, бывало, спотыкаясь,
Что плыл, бывало, без весла.

И те неправедные тропы,
Где задыхаешься, сипя,
Стекают, словно речки, в опыт
(Добавлю — «горький», для себя).

Текут себе и вкось, и криво,
Без них была бы жизнь бела!..
Но, может быть,
без их «полива»
Душа при жизни б отмерла?

Я в мире жил — а был он зыбок,
Он сотрясаясь от пальбы...
Быть может,
горечью ошибок
Скрепляется замес судьбы?..

**куст
орешника**

* * *

Мне так сказал ученый русовед
(Не потому, что был он русофил):
Мол, в языке без корня

слова нет,

А у корней без почвы нету сил.

Изысканна метафора его.

Все это — мрак, ученые дела.

Сказал себе — и ладно, что с того?

Да, что с того? Но почва тяжела.

А в почве той — страдание и пот.

А в почве той

уже который год

Отец и мать, избывшие вину,

И брат-солдат, осиливший войну...

Уже видна последняя межа.

Еще дано подумать не спеша,

Что те слова, в которых только звон,

Не стоят слов,

в которых просто стон...

Из цикла «Запахи детства»

БИРА

Виктору Астафьеву

Засмущаясь в дороге прогонной,
Словно что-то исполнить пора,
Всякий раз, как в окошке вагонном
Обозначится имя — БИРА.

Что исполнить — давно мне известно,
Потому и смутилась душа,
Что и ныне вот

данную местность
Проскачу, неприлично спеша.

И опять за делами своими
 Позабуду ее вдалеке,
 Вспоминая короткое имя
 В подорожном казенном листке...

Вот нагрят, надеюсь, в отпуск,
Похожу от крыльца до крыльца,
Феофана Асламова отпрыск —
Может, кто-нибудь помнит отца?

Кто там помнит? Прошло
 столько лет уже,
Он тут пожил — как будто в гостях:
Рвался к морю,
 да баба последышем
Разрешилась в пути, второпях.

Ах, отцы!
Точно шанежка, сладкая

Тяга древняя к дальним краям...
Становились нам станции бабками
Повивальными,
их сыновьям.

Как там было, в предпамятной дали?..
Но я знаю: как только могли,
Эти станции нас
обряжали,
Эти станции нас
берегли.

Всем, что было, умели делиться.
От душевной своей доброты
Теплым мякишем
в чистой тряпице
Затыкали голодные рты...

На перроне стою виновато,
Словно ласкою мать обделя...
Так зазывно
мазутом и мятой
Пахнет раннего детства земля.

Вот и колокол вызвонил зычно
Отправленье. Составу вослед
Покачнулась Бира,
словно зыбка,
Из которой я выполз на свет...

МАМИНА БУЛКА

Глаза открываю — светло как!
А тело налито свинцом.
Пушистый и солнечный локон
Прохладно щекает лицо.

«Сыночек! — я слышу. —
Сыночек!..» —

У тяжести смертной в плену.
Вновь, вынырнув было из ночи,
Уже безвозвратно тону.

Упал я с кораблика за борт,
Уплыл он, меня обронея...
Но стойкий,
 пронзительный запах
Во тьме настагает меня!

И, как утопающий руку,
Ловлю я в потемках его.

«Мне булку! — пишу я. —
Мне булку!...» —

Не видя еще ничего.

«О господи! Кажется, ожил!» —

По голосу мать узнаю

И вот с непослушною дрожью

Желанную булку жую...

Тот запах, спасительно добрый,

Надеждою в душу запал.

Подобной, среди нынешних

Я булок у́же не едал.

И вроде бы вкусно,

да пресно,

Как будто бы не от земли...

Узнать: из какого же теста

Ту булочку детства пекли?

А то ведь случись-ка,

что буду

Кричать в злополучную ночь:
«Мне булку!
Мне мамину булку!..»
А люди не смогут помочь...

СНИЛСЯ СОН...

Снился сон. Какой — не помню.
Только помню — снился сон...
Утром было нелегко мне
Набирать дневной разгон.

И в груди слегка щемило,
Словно в чем-то виноват...
Это чем же пахнет
мыло
С парфюмерией не в лад?

Так знаком мне этот запах,
С мягкой горечью, грибной.
Он полдня на мягких лапах
Так и шествовал за мной.

Сон не помнить — как ужасно!
Сколько смысла в вещих снах!..
Стой!

Так это ж пахнет маслом,
Маслом, сбитым в шестернях!

И, на миг лишь озадачен,
Догадался я вполне:
Этот запах не иначе,
Как из сна пришел ко мне.

Точно. Вспомнил: снилось детство,
Снилась давняя весна —
Детство,
 что в жестоком действе
Напрочь срезала война.

И под той пилой на срезе
Выступил,
 как пот на лбу,
Сок,
 питающий железо.
Да, железо. И — судьбу.

* * *

Заболел я, друзья, захворал.
Где-то женщина дрогнет осиной...
Знать, меня,
 ее блудного сына,
Бывший бог вгорячах покарал.

И тоска — угольками в золе —
По рукам ее
 трепетно мягким,
По лугам ее,
 пахнущим мятой...
Ах, как пахнет трава на заре!

Мать моя!..
 А бороздки морщин,
Как озябшие ветки березки.
Мы ведь отпрыски, дети,
 отростки,
Мы пред гибелью «мама!» кричим.

Под сурдинку
 шлягер-песен,
Но в какой-то смутный миг

Вдруг услышишь с острой болью,
Задыхаясь, трепеща:
То ли ветер
 в чистом поле,
То ли дочка у плеча?

То ли травы,
 то ли речка...
Или так, от всех скорбей,
Пела мать —
 да ни словечка
Не запомнил — хоть убей!..

* * *

Прошлого стали стираться детали...
Прошрое, воле моей вопреки,
Вдруг полыхнет
 из померкнувшей дали
Светом простора,
 дыханьем тоски.

В этих зарницах
 страдается сладко
От нарастающей поздней любви,
Горе,
 немыслимое до припадка,
Счастье,
 замешанное на крови...

Вспомнить:

когда и какое число...

Помнится все,

что однажды прожгло.

* * *

Я саженец посадил в почву,
Присыпав, полил корешки.
Он в день прибавлял по листочку
И вправду ведь, с легкой руки.

А тут вот смотрю — занедужил,
А может быть, кто притоптал,
И, словно обвеянный стужей,
Он каждым листочком роптал.

И вновь я полил под ним почву,
И к палке его привязал.
Как будто бы малую дочку
От тяжелой болезни спасал.

* * *

Загостился.

И трогаться мне бы...

Но отъезд оказался непрост:
Вдруг подернулось мороком небо
И завыл над поселком норд-ост.

И спросил я у «волка морского»,
Мол, надолго ль такие дела?
— А до ввода закона сухого,
Из Гнилого, вишь, тянет угла...

Из Гнилого...

Что ж, парень-то сведущ.
Ну, а мать мне, подол теребя,
— Не горюй, — говорит, — ты уедешь.
Это мне горевать без тебя...

И еще, чтоб плохого не думал
И чтоб как-то облегчить мне путь,
Досказала:

— Уж как бы ни дул он,
Только солнышка ветру не сдуть...

По-старушечьи были наивны
Те слова...

Почему же тогда
В дни ненастья, под вьюги и ливни
Снова слышу я их сквозь года?

Отчего берегу их отрадно,
Если жизнь не подернута мглой?..
Может, есть и в судьбе нашей

страдной —
Свой у каждого — «угол гнилой»?

Неучтенный в конторе Госстраха,
Он такое готовит тебе,
Чтобы все, что достигнуто, — прахом,
Только дрогни — и крест на судьбе.

Чтобы холод твоей неудачи
До бесчувствия выстудил грудь...

Только б верить,
Стеная и плача,
В то, что солнышка ветру
Не сдуть.

КУСТ ОРЕШНИКА

Над материнской могилой
Подгнил уже крест.
Сизо глубок
В этот утренний час окоем...
Словно бы падает на сердце
С чистых небес:
Что ж опоздал ты
К последнему слову ее?
Все поглотила
Глухая, холодная мгла,
Только жестокою тяжесть
Все помнит плечо.
Мне говорили соседи:
«Легко отошла...»
Дескать, спросила:
«А он не приехал еще?..»
Кустик орешника
За ночь промок и продрог,
Вскрикнула ранняя птица —
Видать, невзначай...
Может, спросила бы:
«Что ж ты так поздно, сынок?..»
Может быть, просто
в усиллии смертном:
«Прощай...»

Просто... Что знают
Об этих словах словари?!
Их разночтение
Замешано в каждой судьбе.
Скажет «Прощай...» —
Как последним тебя одарит.
Скажет «Уйди!..» —
И не будет прощенья тебе!..
Что прошептали
В предсмертной истоме уста?..
Птичка хлопочет —
У каждого дело свое.
Капля росы прозвенела,
Сорвавшись с креста, —
Это ли отзвук
Последнего слова ее?..

* * *

Вовсе не скучно
Под серую сенью...
Сам я стал тихим,
Как дождик осенний,
Осиротелым полям не постыл.
И ничего наперед не обещано...
Дождика в листьях
Невнятица вещая
Выше
 пророчеств кукушки
Пустых.
Только постичь ее люди
Бессильны...
Перескажи,
Переводчик-осинник:

Что там творится сейчас
В небесах?
Сколько
Отмерено мне на часах?

* * *

— Где же начало твое, человек?
Где же начало?
— Помню, в начале
Меня моя мамка качала.
— Что ты хотел бы для счастья,
Себе в одаренье?
— Счастья ребенка
В насквозь високосное время.
— Что ты боишься утратить
Пред вечным причалом?
— Память,
 в которой меня
Моя мамка качала...

СТВОР ПРОЩАНИЯ

Нас вверх по Зее уносил проворно
На крылышках подводных теплоход,
И странно было видеть, как упорно
Плотина погружалась в толщу вод.

И было как-то весело в салоне,
По-родственному, как рука в руке,
Как будто не в салоне, а на лоне
Природы, на роскошном берегу.

И над рекой, обросшие щетиной,
Свисали крутолобо берега,
И раздавалась в ширину теснина,
И, словно к устью, ширилась река.

Лети себе легко и безрассудно!
А там, за поворотом, впереди
Такая даль угадывалась смутно,
Что холодок покалывал в груди.

Но, возбужденный безрассудства хмелем,
Опасным ускорением крови,
Я все ж заметил: явно погрустнели
Веселые попутчики мои.

И мой сосед, смешливый и дотошный,
Что погрузился чуть навеселе,
Вдруг произнес: — Утопла Филимошка,
А я, брат, свадьбу справил в том селе...

Когда ж с разбега врезалась «Ракета»
В топляк плывущий бешеным крылом,
Я тоже отрезвел — и незаметно
Настроился на мысли о былом.

И, вылезши по случаю починки
На палубу, увидел пред собой,
Как, словно вешки,
 лиственниц вершинки
Неслышно колыхались над водой.

Кружились на воде венки из пены...
И, призван с прошлым нить соединить,
Подумал я, что времечко пришло
Могилки дорогие посетить.

Как будто что-то — что, и сам не знаю,
В душе моей пошло наперекос.

А тут над ухом:

— Красота какая! —

Вдруг кто-то восхищенно произнес.

Я вздрогнул и откликнулся:

— Не жалко?

И на воде его качнулась тень.

— А мне-то что?

Ни холодно, ни жарко... —

И вправду был такой покойный день.

В такие дни незнобкие под осень
Покойников способно хоронить...
Не оживить, когда под корень скосит,
Чего нельзя, того не сохранить.

Не укротить потока бурной жизни!
И данный вид собою означал
Простор для созиданья и туризма,
Но и при этом — душу омрачал.

Понятно все, но я не из бетона,
Чтоб на дороге памяти лежать
Запрудюю.

Я не могу без стона

Родимых в путь последний провожать!..

Как долго же листвянка, так щемяще
Махала вслед нам, виделась пока.
Как матери, навеки уходящей,
В напутствие

прощальная рука...

Спит село на Осиновой речке,
И железная спит ПМК
Под целинною пустошью млечной,
Не освоенной ею пока.

Хорошо мне, на лавочке сидя,
Отрешась от забот и обид.
Дрыхнет тот, кто меня ненавидит,
И кто любит, наверное, спит.

Почивает собака на сене...
Тишина...
 Может, вправду, дана
Ночь такая душе во спасенье,
Безоглядно открытой до дна?

Не с того ли под звездным сияньем,
Ощущая струящийся хлад,
Все шепчу я слова покаянья,
Хоть не знаю — а в чем виноват?

Атеист, затерявшийся в чаще
Шумных будней, учусь понимать,
Что, наверное, все-таки чаще
Надо к небу глаза поднимать.

И, в звезду свою веря по-детски,
Жить и жить, не срываясь в галоп...
Перечеркнутый спутником дерзким,
Знать, рассыпался мой гороскоп.

На с того ли так на сердце давит...
Жаль, астрологи перевелись.

Попросил бы я нынче составить
Гороскоп
на остатнюю жизнь.

Но любой гороскоп не сгодится,
Ибо, верный науке своей,
Не учел бы астролог в таблице
Огонек сигаретки моей.

А она уж совсем догорела
Под кусточком падучей звездой...
Завтра снова накатится дело
И опять — словно конь под уздой...

Но потом — отрешусь от работы,
Постараясь от всех утаить,
Что давно уже хочется что-то
Мне со звездами поговорить...

РЕМАРКА НА ПОЛЯХ

... Я тоже был знаком с «царем»:
Он, восхищенный глухарем
И от удачи щерясь,
Их по-палачески крушил,
Когда он рыбу потрошил,
Пришедшую на нерест.

Его столица — лесопункт.
Там не поднимут люди бунт,
А рыбы просто немые.
Он «запряжет» свой вездеход —
И перейдет подлесок «вброд»,
И никакой дилеммы.

Не зря он за лесоповал
Имеет множество похвал
И план дает до срока.
А сколько навалил всего,
Спроси «учетчицу» его —
На штабеле сороку.

И говорят, что в этот год
Он перейдет на хозрасчет —
И, распаляясь в злости,
«За ради выгод»,
 как и встарь,
Не пожалеет этот «царь»
Березки на погосте.

* * *

Вечно море шумит.
Только шум этот — разный:
Если занято море работой
Гранильной,
То грохочет,
Набрякнув до сини чернильной;
То бессвязно поет,
Если выпадет праздник.
Иногда — разгуляется
Дико, отчаянно,
Изорвет на груди своей
В клочья рубашку!..
И под шум его
Молодо и бесшабашно
Я поверил:
Действительно жизнь нескончаема...

Скалы виснут над бухтою
Многоэтажные,
Бухта,
Солнцем толченым набитая,
Пенится...
Мама вынесли к берегу
Важных младенцев —
От сознания собственной вечности
Важных.
А на берег волна за волной
Набегают,
Меж зеленых камней
Без следа пропадают.
Зарождаются новые волны
В просторе.
Не стихает прибой.
Бредит вечностью море...

ЧАЙКИ

У кромки морского залива
Вдруг вспомнил былую вину...
Стремительно
и крикливо
Бросается чайка в волну.

Падет — и, сверкнув белогрудю,
Уносится ввысь по лучу...
Хотите попробовать чуда
На ощупь? Я вас научу.

Все будет надежно и точно,
Поскольку тот способ простой
Был кем-то рассчитан на то, что
У «чуда» желудок пустой.

Берется сырая рыбешка,
Вбивается палка с крючком...
А дальше? А дальше немножко
Терпенья при деле таком.

И, зная, что голод — не тетка,
Не дергайте нить сгоряча...
Я помню до сухости в глотке,
Как бились те чайки, крича.

И ныне стою вот в печали,
Хоть взглядом бы их приласкать...
А после мы их отпускали.
Вы можете не отпускать.

* * *

По молодости
Время — это ветер:
Как бьются за спиною два крыла!
Уединись —
Сорвет он двери с петель
И унесет
В чем мама родила.

И кажешься себе ты
Испоином,
А мир —
Он будто только рожден...

Я ощущаю Время
Словно глину,
Раскисшую под проливным дождем.

ТЕПЛАЯ МЕРЗЛОТА

Что же ты разгрустился позорно,
Созидатель, поникнувший весь
Под «Магирусов» грохот мажорный
У фундамента станции Зейск?..

Написала жена ему Настя:
Мол, неужто же думаешь ты,
Что еще мне, для полного счастья
Не хватает твоей мерзлоты?..

Мерзлота голубела цветами,
И под солнцем по ней, как змея,
Вся поблескивая озерцами,
Извиваясь, ползла колея.

Он сказал мне, ссутуливши плечи,
Озерцо вымеряя прутом:
— Мерзлоту колесом покалечишь —
Не залечишь уже нипочем.

Не засыплешь потом, не замажешь,
Не насытишь утробу болот.
И тогда не усмотришь — так даже
Стройка века в болота уйдет...

И открылось тогда мне впервые,
Что мерцают с худого лица
Синей болью глаза горевые,
Как мерзлотные те озерца...

А стояла такая погода —
В самый раз походить босиком!

Бабье лето
 так щедро природу
Одаряло остатним теплом.

Мы бруснику по мшистому насту
Выбирали меж реденьких трав.
Отдавала брусника
 лекарством,
И казалось, что был он не прав...

НОЧНОЙ ЭТЮД

В заснувшем городе меня
Шаги мои же
 оглушали.
Трамваи редкие, звеня,
Глухую ночь перебегали.
Звенели буднично они,
Ничем особо не тревожа...
Но вот
 пронес свои огни
Один, на прочих не похожий:
Он осторожно тормозил,
Как будто приседал на лапах,
Звенел тревожно,
 как грозил,
А то скрипел — как будто плакал,
И порывался,
 и не мог
На тонких дугах удавиться.
Подумалось: «Избави бог!..»
И я совсем не удивился,

Ну, а жил совсем не созерцательно —
Вопросительно

и восклицательно,
«Препинали» — в темноте под дых.

Жил, невозможная передраги.
Шел по руслу наподобье драги —
Что намыл, то государству сдай!
И порою в этой крутоверти
Доставалось так нам, что, поверьте,
В самый раз — ложись и помирай.

И когда до сердца припекало,
Находился кто-нибудь бывалый
С присказкой:

бывало и не то!
Кто, покойно отходя от дрожи,
Радовался: выдюжили все же!
Дескать, после — вспомнить будет что!

Вспомнить будет что...

Не размышлял я.
Жизнь текла — лелеяла и мяла,
А теперь — совсем другой резон:
На ветру душа не отгорела.
Да и жизнь как будто подобрела,
Но вошла
в старательский сезон.

Сам себе — ответчик и указчик.
А приспееет в пресловутый ящик —
Об отсрочке некого просить.
Вот и все — иди, куда захочется!..
Но все чаще
в поле одиночества
Не по воле стало заносить.

Начальство нахмурилось:
— Шел бы ты лучше на пирс!..

Шел катер, болтаясь,
В амурском
разгульном пространстве
Пустым поплавочком,
Оторванным штормом от снасти.
Я в рубке сидел,
К переборке прижавшись спиною,
И мучился молча
Неясной, но явной виною.
Был хмур старшина —
И ведь надо же так невзлюбить!
Я бросил попытки
Глухое молчанье пробить.
Вот так же молчал он,
Когда мы шагали к реке,
А я бестолково,
Не к месту, шутил налегке.
Он спрыгнул на палубу,
Крикнул над люком машинным:
— Васек, заводи!..
И приправил все матом аршинным.
И вдруг повернувшись,
Спросил меня:
— Бабу имеешь?..

И сам же ответил:
— Что-что, а уж это успеешь...

Шел катер — и брызги
Долбили стекло лобовое,
Сквозь плащ переборка
Тепло отдавала живое.
И можно б вздремнуть бы
Под музыку выхлопов мерных,

Но дрожь переборки
Вонзалась —
 и била по нервам!
И чувствовал я,
Что в машине там
 что-то нечисто.
И как он там, Васька,
Как звал старшина моториста?
Он, может быть, пьяный?
А может, и просто больной?..
И словно бы всхлипы,
Там помпы засос затяжной.
И надо же влипнуть!..
А вот и машина заглохла.
— Ну вот, началось, —
Процедил старшина,
 и со вздохом
Он вышел из рубки,
И ясно в пустой тишине
Взвинтилось до визга:
— Не трогай!..
 До лампочки мне!..
Но двигатель рыкнул,
Как выругался взахлеб,
И — хохот безумный:
— А ты ей заказывай гроб!..
Вошел старшина,
Леденяще опасный,
 как омут:
— Нам что? Мы домой.
Да нельзя туда Ваське такому!..
Прижег папиросу,
Сведя переносицу хмуро.
— Двоих нарожала ему,
А ведь спуталась, дура...
И вновь замолчал он.

И время
враз остановилось.
А в темени люка
Рычало, корежилось,
билося
Нелепое что-то.
Но тут же железные руки
Рванули меня:
— И чего же надумал он, сука!..
И сразу пробило
Ознобом, до немочи страшным.
А в волнах кружилась
И вниз отплывала фуражка,
И все не тонула,
Эмблемкой на вскидке светясь.
И голос донесся:
— Сейчас заведу я, сейчас...

Мы шли еще час
В загустевшей до сумрака мгле,
И глыбой беззвучной
Стоял старшина на руле.
И лишь на причале,
Приблизясь, чтоб руку пожать,
Сказал он прозрачно:
— А Васька хотел попужать...
И взгляд притушил он:
Со всеми бывает, но реже...
— Конечно, — сказал я
И двинулся к Дому приезжих...
А ночью мне снились
Какие-то дикие сны:
И снова был катер,
И крупно — лицо старшины.
Он пальцем грозил:
— Все равно тебя Васька убьет!..

Ружье отберете —
Он купит себе миномет!
И я удивлялся:
— Зачем миномет? Пулемет!
— Ты хитрый! — шипел он. —
Тебя пулемет не возьмет...

А утром ушел я из Дома
В десятом часу.
Все было покойно,
Как это бывает в лесу.
И пусто в душе,
Лишь обрывки нелепого сна...
У трапа услышал:
— Постой-ка!...

Узнал — старшина!
И вздрогнул ознобно —
И враз предо мной дебаркадер
Качнулся грозяще,
 вчерашне,
Как будто был катер.
— Ну что? Уезжаете?
Ясно... А мы вот проститься...
И сквозь пелену
Прояснились и берег, и лица.
Лицо старшины,
На котором улыбка —
 как роскошь.

А этот,
 в рубашке голубенькой,
Словно сиротской —
Кто это?
Лицом, словно небо вчерашнее, мглист...
И тут осенило:
Так это ж и есть моторист!
Он морщился весь,

Он не знал, куда руки девать.
А я же,
Я взгляда не мог от него оторвать!
И мне не подумалось:
Вот он, кто мог и убить!
А странно:

«Неужто вот этот
Так может любить?!»
И тут же почувствовал,
Как покраснел оттого,
Что — кто я такой,
Чтобы так вот
унизить его?!

И голос мальчишеский
Словно бы с неба мне был:
— А папка сегодня
Ружье о лесину разбил!
И сразу очнувшись,
Увидел я рядом мальчонку —
Как будто наткнулся
Средь хлама весны на скворчонка:
Он замер восторженно,
Голубоглаз, белобрыс.
Таким вот, наверно,
В мальчишках и был моторист.
И вправду птенец
На изменчивом фоне цветастом...
Я голову поднял —
И в душу пахнуло ненастьем!
Так вот оно,

Васькино счастье —
И горе, и жалость!..
На правой щеке ее
Родинка мелко дрожала,
Легко трепетал за плечами
Косынки флажок,

А губы дрожали:
— Все будет теперь хорошо...
И снял старшина,
Словно вспомнил, фуражку свою.
— Взамен, — протянул мне, —
Чтоб помнил,
 на память дарю!
— Да что вы! — сказал я. —
Она для меня велика...
И лучик взлетел
От серебряного ободка...
Запомнилось, как мы
Неловко и стыдно прощались.
С каким облегченьем
Они от меня удалялись,
Как будто в судьбе,
Что от века
 неисповедима,
Вдруг переступили
Преступную необходимость.
Как будто и вправду
Я был им ниспослан
 всевышним...
Я слышал
 о счастье
Быть в судьбах случайных
Нелишним.
Но линия судеб
Вдруг линией стала
 прицела —
И палец на спуске
Напрягся уже
 до предела,
И некому крикнуть,
 и бросить на землю:
«Ложись!..»

А Васька
 стреляет
В свою растреклятую жизнь!..

Мне громом последним
Ответила глубь небосвода
Над прутиком тонким
Антенны и громоотвода.
Вода под форштевнем
Кипела, от пены бела...

Фуражка
 простреленная
Где-то в низовья плыла...

* * *

Знать, за то, что в раздоре
С душою никак не сольюсь,
Дан был мне санаторий,
Благодушный, как сам профсоюз...

Не могу разобраться,
В каком измеренье живу.
Начинает казаться,
Что все это — не наяву.

Эти зимние птицы,
Клюющие зернышки с рук,
Эти праздные лица
С утра и до ночи вокруг.

И застывший от века
Сквозной и заснеженный лес,
Эти искорки снега,
А может быть, манна с небес.

Даже бреюсь с опаской:
Из зеркала — ангельский лик...
Может, все это сказка?
А в сказке я жить не привык.

Словно я отгорожен
От бед и былых неудач...
До чего же здесь все же
Покойно и тихо — хоть плачь!

* * *

Опять понесло, закружило!..
Родная, прости.
В плену неурядиц я —
Точно кузнечик в горсти.
Попался, накрыли...
Не верь этой ночи —
Распутнице!
Давай погорюем
О злой
И нелепой распутице.
Мне слышен твой голос,

И дверь одиноко скрипит.
К тебе возвращаюсь,
Да темень мне очи слепит!..
В плену неурядиц
Я — штормом застигнутый сейнер:
Как бьет его море!
Да только земля —
Не спасенье:
В такую погоду —
Обломки уйдут по волне!
До боли сердечной,
Увечный,
Понятен он мне.
Болтается, грешный,
Ободраны штормом бока,
На привязи тоненькой
Берегового гудка...

* * *

Твои цветы поотцветут...
Желто от листьев в переулках.
И скоро-скоро обретут
Лес — тишину,
Пространство — гулкость,

Когда способна тишина
Речь низвести до междометий,
Когда на жизни всей видна
Мгновенья тень в неброском свете,

**Когда засохнет трын-трава
И не взойдет, как прежде, снова.
И давят на сердце**

слова

Всей тяжестью пережитого...

**стихи
друзей**

С еврейского

Исаак БРОНФМАН

* * *

Герой Советского Союза лейтенант Иосиф Бумагин, бывший биробиджанский рабочий, погиб при взятии крепости Бреслау.

В польском городе Вроцлаве поставлен памятник герою

Не бывал я в городе Вроцлаве,
Знатоком себя не нареку.
Если же писать о нем я вправе —
Этим я обязан земляку.

Стал тот польский город, город светлый,
Адресом последним земляка.

Не последний адрес, а посмертный,
А еще точнее — на века...

Город тот от вражьей пули грудью
Заслонил солдат в святом бою, —
И приходят к памятнику люди
Благодарность выразить свою...

Так далеко от Биры до Вислы!
Но солдатский подвиг навсегда
Породнил их — потому и мысли
Снова обращаются туда.

Как и здесь, у нас, сейчас там осень...
Мне к нему хотя б на пару слов:
Дескать, здравствуй,
дорогой Иосиф,
Я поклон принес от земляков.

От земли, где ты в глуши таежной
В зной и стужу город возводил.
Все, что делал — делал ты надежно,
Сделал то, что и превыше сил.

Как бы ты обрадовался, знаю!
От завода, где работал ты,
Корабли степные уплывают
В океан уборочной страды.

Знают их Болгария и Куба...
И отсюда, непривычно тих,
Добрым взглядом издали голубя,
Бронзовый, ты провожаешь их...

О тебе здесь память не растает,
Вечно жить хозяином в дому,
И подходит женщина седая —
Не к герою — к мужу своему.

Как она ждала, какие муки
Приняла, надеясь и скорбя?!
Посмотри, Иосиф, это внуки
Окружили дедушку, тебя.

Пусть малы и беззаботней пташек,
Будет час — они уйдут в полет.
Говорят не зря, что внуки наши —
Наша жизнь, ушедшая вперед.

Потому героев павших слава
Неподвластна пуле и годам...
И читают дети во Вроцлаве:
«Лейтенант Бумагин...» — по слогам.

ДРУГ

Зямку знаешь?
Славный парень — Зямка.
Дружба наша по сей день прочна.
Нас сроднила с ним одна землянка,
Побратала нас одна война.

В час бессилья под огнем фугасным, —
Коль впустую клацает затвор, —
Прорывался к нам с боеприпасом
Верный Зямкин бронетранспортер.

Что его в земном аду хранило?
Но когда беда нашла его,
Словно между делом обронил он,
Зажимая рану: — Ни-че-го...

Молодость, как в топке, прогорела,
Но неужто вышли из игры?..
Двое ветеранов поседелых
Вечерком гуляют у Биры.

Листья кленов вздрагивают чутко...
Время с Зямкой нас не развело.
Как и прежде, друг мой скор на шутку,
Только припадает тяжело.

Кто нас пожалеет — мы попросим
В цех кузнечный:
Друг мой дорогой,
Словно с плеч крутые годы сбросил —
Так послушен молот под рукой.

Молот бьет (а чудится: фугасы...),
Пот с лица — не смей припасть к воде.
Словно снова ждут боеприпасов
Верные товарищи в беде.

Как ни кинь, а друг живет незябко!
Я в поту, а другу каково?
— Как живешь, — кричу ему я, — Зямка?!
Он кивнул смешливо: — Ни-че-го!..

Ничего, дружище! Годы наши
Прожиты недаром — и не жаль.
Ты ведь прав, что мы еще попляшем,
Коль рукам еще подвластна сталь.

С якутского

Моисей ЕФИМОВ

СТЕНАНИЕ ЖУРАВЛЯ

ПОЭМА

1

Я сегодня проснулся от страшного сна:
Над рекою, забитой шугою кипящей,
В мокром снеге мне виделась птица одна —
Одинокий журавль, как пред смертью, кричащий.

Он, казалось, на помощь, к себе призывал.
Вздрыгнул я и с тревогой душевной проснулся.
Так отчетливо сон с давней явью совпал,
Что опять я в далекое время вернулся...

2

Помню «лечащий дом» — три палаты всего —
В нашем старом наслеге* среди глухомани.
В чистоте содержала бесценно его
Моя бабушка — сторож при доме и няня.

И была при больнице той «главным врачом»
Фельдшерица — девчушка.

А сколько ж ей было?..

И ходила за ней, как за малым дитем,
Моя бабушка — словно родную любила.

* Наслег — село (якут.)

И она мою бабушку «мамой» звала —
Так сошлись они, словно на тропочке узкой
По всему, их сроднили совсем не слова,
Если бабушка не говорила по-русски.

Годы горя и бед.

Там война далека...

А у нас — то дожди без конца
и без края,
То мелела под солнцем жестоким река,
Выжигала все начисто засуха злая.

Помню я — и за временем нынче дивлюсь, —
Как умела та девушка с русой косою
В наших юртах развеять страданье и грусть
Состраданьем,

а к месту — и шуткой простою.

И держала распахнутым сердце свое,
Колеса по всему, в дождь и холод,
наслегу.

«Белый ангел наш» — так называли ее,
Как надежду свою приглашая к ночлегу.

Всем, кого настигала лихая беда,
Даже слово ее было донорской кровью.
У якута-охотника в стынь-холода
От прихода ее согревалось зимовье.

Как могла она, южной дитя стороны*,
Стать своей для якутов, служа беззаветно.
Только бабушка ведала

с чувством вины,

Как валилась она от усталости смертной.

* «Южная сторона» — в понятии якутов — это все, что находится в стороне заката.

А однажды, в углу подремать прикорнув,
Я увидел — представить не мог я такое:
Над письмом-треугольником тяжело вздохнув,
Вдруг упала она на письмо головою.

А потом, словно лебедь, подбитая влет,
Так, бедняжка, она до бессилия билась!
Забывалась — и снова об стол, как об лед,
Золотая коса, как крыло, колотилась.

И шептала мне бабушка:

— Ты-то ложись, —
Утирая глаза и ходя осторожно.
Прошептала еще:

— Это, внучек мой, жизнь,
Все понять в ней и нам, старикам, невозможно.

И со мной прикорнула, молясь про себя:

— Будет жить он,
он просто в пути потерялся.

Видно, вспомнила девушка наша, скорбя,
И родную сторонку, и всех, кто остался...

Да и вправду: как тундровые снегири,
Полетели опять из неведомой дали
Письма, письма — они, словно свет от зари,
Пред глазами ее озерами сверкали.

И печаль в них, и радость — на то и война,
И так часто, обнявшись, как перед разлукой,
В тихих сумерках бабушка и она
Все сидели, без слов понимая друг друга.

Ну, а время, как Лена, текло и текло,
Размывая в пути перекатные беды.

И, как девушка, все мы
надежды тепло
Не теряли и ждали, и ждали победу.

3

«Человек умирает!» —
к нам весть добралась,
Из наслег соседнего нас разыскала.
Фельдшерица в дорогу тотчас собралась:
— Не волнуйтесь! — и бабушку поцеловала.

Ну, а бабушка стала ее умолять:
— Снегопад, половодье — куда же ты, дочка?!

— Доберемся, — ответила та.

И опять:

— Будет все хорошо, да и надо-то срочно!

Не могла себе бабушка места найти...
Прилетела к утру вести черная птица:
Ночью перевернулась

их лодка в пути,

Утонули они, проводник с фельдшерицей.

Весь наслег волновала нелепая смерть.
Извелась моя бабушка, слову не внемля:
— Почему подо мною не треснула твердь?!

Крыльев нет, чтоб взлететь

и разбиться о землю!..

Вот и кончилась жизнь —

не поднять, не помочь,

Пеплом горькое горе в сердцах оседало.

Хоронили ее, как якутскую дочь,

Берег, миру открытый,

ей стал пьедесталом.

И война отгремела от нас вдалеке,
Возвращались рекою солдаты с победой.
Часто бабушка глухо скорбела в тоске:
— Наш не едет. Хотя бы могилку проведаль.

И однажды она собралась — и пошли
Мы на место последнего успокоенья
Врачевателя нашего, и принесли
На могилу цветов — непорочных, осенних.

И пока мы сидели, накрапывал дождь,
Разошелся — и снова надвинулись тучи.
И меня прохватила нежданная дрожь,
Словно был я каким-то
предчувствием мучим.

Молча бабушка внука прижала к себе,
Так тиха, словно что-то еще ожидая...
Вдруг раздался из глуби тревожных небес
Голос птицы,
отбившейся, видно, от стаи.

И журавль промелькнул на мгновенье, спеша,
И воскликнула бабушка:
— Это не птица!

То, однако, солдатская кружит душа,
Ищет душу ее, чтобы там обручиться...

И душой, и лицом оживилась она,
И глаза засветились водою в колодце.
— Ты запомни, внучок, — прошептала, —

война

Убивает людей, а любовь остается.

ВОСХОД СОЛНЦА

Памяти Семёна Данилова

Нынче в росу успел я к восходу...
Лишь роса засверкала в лучах —
Закружились цветы в хороводе
На поляне лесной у ручья.

Стая бабочек «Танец узора»
Начинала, свершая обряд,
В хвое лиственной белка-провора
Пролетела, как легкий снаряд.

И поблескивал влажный брусничник
С тропкой заячьей наискосок,
Роща милая пением птичьим
Восхваляла за щедрость восток.

А березка-краса загляделась
В озерцо, что-то видя на дне...
Только мне в это утро
не пелось,
А вернее же — плакалось мне.

Средь веселого гама и шума
На восходе, в преддверии дня,
Словно коршун, тяжелая дума
Так жестоко настигла меня.

Вот и вспомнилось прошлое лето.
Был покоен и чист окоем.
В ожидании солнца
 с рассвета
Здесь бродили мы с другом вдвоем.

Было небо над нами высоким,
Разгоралась заря не спеша...

А теперь
 журавлем одиноким
По утрате стенает душа.

Думать больно: так жизнь человека
Коротка — мы простим ее, друг! —
Что достанет до кромочки века,
До межи ее,
 брошенный сук.

Вот и я в свое время причаляю...
Только надо бы знать наперед:
Есть кому меня вспомнить,
 встречая
Неизбывного солнца восход...

Должен знать, что у кромки предела
Трудной жизни
 идушим вослед
Я оставил и память, и дело,
Чтобы жизнь уходила в рассвет

Семен ДАНИЛОВ

* * *

Там, в стране полунощной
С песней снегов хомуса*,
Есть луг с островочком-рощей
У Арылааха-мыса.

Люди пришли иные
В край тот, где даль сквозная...

* Хомус — якутский музыкальный инструмент

Даже березки родные
Теперь меня не признают.

И коновязь деда истлела,
Что так влекла ребятишек,
И голос хомуса смелый
Давно уже там не слышен...

Должны ж сохраниться, однако,
Тропинка моя, к примеру,
Зарубки — дорожные знаки,
Мои у силков барьеры.

И дерево то на мысе,
Что, словно навек венчая
Мальчонку-якута с высью,
Люльку мою качало.

Еще на зеленом пригорке,
Над бабушкиным прахом
Тот холмик,
 памятно горький.
Не верю, что он распахан.

Неужто в житейском море
И песня любви прекрасной,
И материнская ласка,
И материнское горе —
Забвению все подвластно?

Но бродят в краю любимом
Думы под звуки хомуса
У мыса тоски неизбежной —
У Арыылааха мыса...

Леонид ПОПОВ

ПОДЪЕМ

Замер я — дрогнуло сердце:
Остановись!

В полпути на подъеме —
На печени грозной скалы.
Чучур Муран* надо мною
Уходит ввысь,
Итык Кюеля** воды внизу
Бурливы и злы.

Темя жизни —
Вершина Чучура — сердце влечет,
Вниз погляжу —
Бездна захватит дух.
Сердце пылает —
Трезвый отринь расчет,
Мысли клубятся —
Одно выбирай из двух.

Не уподоблюсь
Каменному столбу,
Выбрал другую
По сердцу себе судьбу.
Время подточит —
Камень скатится вниз,
Ввысь подниматься —
В этом и есть жизнь!

Силы, земля моя, дай мне
Постичь высоту!
Чтобы открылся мне

* Чучур Муран — гора вблизи Якутска.

** Итык Кюель — священное озеро.

Солнечный окоем,
Чтоб оценил и воспел я
Твою красоту!..
Ввысь подниматься —
В этом призванье мое.

С нанайского

Андрей ПАССАР

ДУБОК

Я, нанаец, прочел твои, Леся, стихи
О прекрасной и щедрой твоей Украине —
И так рвался сюда от Амура-реки,
Что дорога совсем показалась недлинной.

Как охотник,
я мягко по тропкам хожу,
Где лебедушкой ты проплывала когда-то,
С земляками твоими давно я дружу,
И меня принимают, какжданного брата.

— Здоровеньки булы! —
мне и старый и мал.

— Бачигоапу, братья!
Бачигоапу, Леся!..

На земле твоей, Леся, я снова припал,
Как в тайге к ручейку,
к твоим ласковым песням.

Я приехал с подарком нехитрым —
и там,

Где у леса белехонький милый будинок,
Ямку выкопал

и к украинским дубкам
Подсадил я амурского их побратима.

Белоснежная Оленька — внучка твоя,
Помогала, порхая таежною птицей.

— Присмотрю, — мне сказала, —
волнуетесь зря.

И дубок полила из журчащей криницы.

— Ты невеста его, — я ответил шутя. —
Береги же, пожалуйста,

верного друга...

Приживется нанайское это дитя,
Не привыкшее к солнечной щедрости юга.

Он поднимется скоро и, в кроне широк,
Он сомкнется — лист в лист —

с украинской дубровой,

И сольется нанайский его говорок
С украинскою, нежною,

Лесиной мовой.

МОРЕ

Вот оно, море, какое!

Оно — голубое,

Словно девчонки глаза, с чистотой божества
Ждущей кого-то светло, с потаенной любовью...
Мягкие губы невятные шепчут слова.

Что-то, однако, с тайгою роднит его кровно.
В сопки поднимешься — дух перехватит!

Смотри!

Волнами ходят под ветром высокие кроны
Елей и пихт в освещенье вечерней зари.

Вон корабли — на снегу голубом кабанами,
И буруны — точно след остроносой башки.
И РТС по-медвежьи встает над волнами,
С рыбою трал выбирают на борт рыбаки.

Вынырнет солнце над далью туманной и тишью,
Рыжим тюленем качаться ему до поры.
Даже смешно:

мне припомнились игры мальчишья —
Так же в Амуре барахтались мы от жары.

Море, мне песни тайги и понятней, и ближе,
Но породниться, я вижу, назначено нам...
Ах, как хочу пробежаться я, море,
на лыжах

По серебристым, по снежно-кипучим волнам!

НЕМАЯ ПТИЦА

Рассветные птицы
Тайгу разбудили мажорно,
Несмело вступая,
Сливались их песенки в хор —
Как будто на ниточках-трелях,
Послушные дирижеру,
Солнце дружно

ВЫКАТЫВАЛИ

На остроконечия гор.

И все напряженной трудились
Над солнышком спящим,

И — стронулось солнце,
С трудом отходя ото сна,
И выкатилось —
И мгновенно на ноте щемящей,
Словно лопнули струны —
И обрушилась тишина.

И тут над собой я увидел на дереве
Птаху:

Закинув головку
И стрелочка клюва — вразлет,
Она трепетала,
Как будто смелея от страха...
Как странно, подумал,
ни звука,

А птица — поет!

И я догадался:
Так это же птица — немая!
Как глухонемые с рожденья
У нас, у людей...
Птица немая,
Себе, а не миру, внимая, —
Какую ты песню

выносила

За немотой своей?!

И я ведь, бывает,
Чтоб быть перед песнею честным,
Отринусь от мира
И стану немым, как ты.
Поэт, я ведь знаю,
Как страшно живет с песней —
С выстраданной

и страдающей

За стеной немоты.

С абхазского

Виталий АМАРШАН
(МАРШАНИЯ)

СТАРАЯ ОЛЬХА

Век доживала старая ольха,
Прижавшись грузно к изгороди сада.
Не поднималась на нее рука,
Хотя давно срубить бы ее надо.

Но то, на что решиться я не мог,
Ночная буря весело свершила.
Я утром вышел — в сад наискосок
Ольха упала, обломив вершину.

Ех афасит!*

О сколько полегло
Побегов юных под корявой тушей!
Вот яблонька... Вот вишенку смело!..
И проклял я себя за слабодушье.

С бурятского

Алексей БАДАЕВ

* * *

Шли плечо к плечу мы сквозь невзгоды
И в сиянье дня.

* Ех афасит — на абхазском значит «разбей гром»,
«черт возьми».

Недосуг понять мне было: кто ты?
Кто ты для меня?

Друг или попутчица — не думал
В крутоверти дней.
Просто ты была мне в жизни домом
И рукой моей.

Хороша, но не сказать — красива,
Ласкова, нежна.
В жизни, как и должно, неспесива,
Потому — жена.

И порой, что рядом ты со мною,
Я не замечал.
Лишь твое отсутствие с тоскою
Остро ощущал.

А любовь? О ней мечтал немало,
Отливая в стих.
Только ты в нем вечно заступала
Имена других.

Словно бы любовь меня большая
В облака звала,
А сама, в обыденности тая,
Рядышком жила...

С монгольского
Долгорын НЯМАГ

ТАРВАС

Как любят в степи с незапамятных пор
Кумыс и малый и старей,

**Так любят арбузы у Ховдинских гор:
Арбуз — значит сладкий — тарвас...**

Горянка потчует степняка,
Арбуз преподносит грузный
И спрашивает,
 смущаясь слегка:
— Любите вы арбузы?

Гость из степи отвечает тотчас,
Улыбкою смыв усталость:
— Люблю я арбузы,
 а также и вас
(У них ведь и «девушка» — тарвас).

МЯЧ И РЕБЕНОК

Катится мяч...
«Что ж ты стоишь?» —
Дразнит он малыша.
И вот уже начинает малыш
Первый в жизни шаг.
Мяч и ребенок — как бечевой,
Связаны прочно, навек.
Так же, как связаны
Шар земной
И ты, человек...

Содержание

ПОТЕРЯННЫЙ МАЛЬЧИК

«Хорошо, как отстоится...»	5
«Давайте на время забудемся...»	6
Звонок из прошлого	7
Остров Буян	10
«Вспоминаю ту беду...»	12
Так они и жили...	14
Тянигус	15
Бывальщина с моралью	16
«К речам высоким в наши дни народ...»	18
Домовой	18
«Он ранен был в трудных боях...»	21
Бессонница перед грозой	22
«Так всегда и бывает...»	24
В Москву, на учебу...	25
Предзимье	26
Из «Чукотского дневника»	28
Чудак	28
В то лето...	29
«Высоковольтным током — провода...»	30
«Как-то под осень...»	32
«Я пиво пью...»	33
«Мы как навалимся...»	35
Старики	35
Тетя Поля	37

Испытание	39
«Быть может, не стали...»	41
Два мастера	43
«Океан-забулдыга бузил...»	44
«Удар сокрытого титана...»	45
Зимник	46
Настроение	47
«Не какие-то яства...»	48
Меньший брат	50
Собачки	50
«Учителя в различном чине...»	51
«Любите простые ремесла!..»	52
Художник и прораб	54
«Как лучины, он строчки строгал...»	55
«Есть час такой...»	56
Пророк	57
«Господи! Сколько же мы говорим!..»	59
«Вот книга — банальная драма...»	59
Опыт	60

КУСТ ОРЕШНИКА

«Мне так сказал ученый русовед...»	63
Из цикла «Запахи детства»	64
Бира	64
Мамина булка	65
Снился сон...	67
«Заболел я, друзья, захворал...»	68
«Ни словечка в этой песне...»	69
«Прошлого стали стираться детали...»	70
«Я саженец посадил в почву...»	71
«Загостился. И трогаться мне бы...»	71
Куст орешника	73
«Вовсе не скучно...»	74
«Где же начало твое, человек?..»	75
Створ прощания	75

«Спит село на Осиновой речке...»	78
Ремарка на полях	79
«Вечно море шумит...»	80
Чайки	81
«По молодости...»	82
Теплая мерзлота	83
Ночной этюд	84
«В безветрие на землю падал снег...»	85
Поле одиночества	85
«Вот завершается круговорот...»	87
«Ты мелко пашешь...»	88
Большая вода (п о э м а)	89
«Знать, за то, что в раздоре...»	97
«Опять понесло, закружило!..»	98
«Твои цветы поотцветут...»	99

СТИХИ ДРУЗЕЙ (переводы)

С еврейского

Исаак БРОНФМАН

«Не бывал я в городе Вроцлаве...»	103
Друг	105

С якутского

Моисей ЕФИМОВ

Стенания журавля (п о э м а)	107
Восход солнца	112

Семен ДАНИЛОВ

«Там, в стране полуночной...»	113
---	-----

Леонид ПОПОВ

Подъем	115
------------------	-----

С нанайского

Андрей ПАССАР

Дубок	116
Море	117
Немая птица	118

С абхазского

Виталий АМАРШАН (МАРШАНИЯ)

Старая ольха 120

С бурятского

Алексей БАДАЕВ

«Шли плечо к плечу мы сквозь невзгоды...» 120

С монгольского

Долгорын НЯМАГ

Тарвас 121

Мяч и ребенок 122

Михаил Феофанович Асламов

БЕЛЫЙ ВЕТЕР

Редактор *Н. И. Чековитов*
Художественный редактор *А. В. Колесов*
Технический редактор *Т. А. Костюченко*
Корректор *Г. Д. Свердликова*

ИБ № 2122

Сдано в набор 22.08.89. Подписано в печать 14.09.89. ВЛ 03769.
Формат 70х90¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура литератур-
ная. Высокая печать. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 4,97.

Уч.-изд. л. 5,00. Тираж 2000 экз. Заказ 144. Цена 70 коп.
Хабаровское книжное издательство Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торгов-
ли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Краевая типогра-
фия № 1 управления издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Асламов М. Ф.

А 90 Белый ветер. Стихи. — Хабаровск:
Кн. изд-во, 1989. — 128 с.
ISBN 5-7663-0159-6

В новую книгу поэта вошли известные стихи о военном детстве, поэма «Большая вода», а также новые произведения о высоком нравственном долге человека перед всем тем, что составляет для нас понятие — Родина.

А 4702010200-68
М160(03)-89 35-89

70 коп.

**ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**